

Наутро все было сделано по программе Такура. С зарей, то есть за полчаса до солнечного восхода, так как зари у нас в Индии не полагается, мы отправились к какой-то деревушке при полном свете звезд и вышли из ландо в ту самую минуту, когда, словно газовые рожки под рукой театрального капельдинера, звезды все разом потухли, а с горизонта на нас блеснуло, дохнув огнем и пламенем, солнце, светило дня и бич туристов в Индии.

Было шесть часов, а до девяти нам оставалось проехать еще миль пятнадцать до Маттры, святой земли индусов всех сект, кроме шайв[ов]. Только твердо решившиеся покончить с жизнью могут путешествовать в Раджпутане весной позже девяти часов утра. Вследствие этого мы выгрузились из нашего раззолоченного ландо только для того, чтобы пересест в крытый шарабан времен господства португальцев, а может и самого Александра Македонского, в который как на слона пришлось нам влезать по лестнице. Я поместилась с Нараяном и бабú на одной скамье, а полковник сел между Анандой-Суами и Мульджи на другой. Такое распределение мест имело свое значение. «Молчаливый генерал» был ярим поклонником мистических приемов *хатти-иогов* и сочувствовал полковнику О*** в его факирских стремлениях; а я восставала против них, тогда как бабú просто смеялся над «влюбленными в грязных *байрагов* европейцами».

Таинственный *салиграм*, не взирая на свои чудотворные свойства, должно быть причинял полковнику некоторую неловкость в движениях. Он был величиной с большой апельсин. Укрепив его тесемками вокруг талии, счастливый обладатель оно не мог ни скрыть его присутствия на своей особе, ни помешать ему переезжать на поясе с одного места на другое при каждом толчке нашего допотопного экипажа. *Салиграм* торчал у него то на одном боку, то выглядывал из-под парусинного, тонкого пальто на другом. О*** постоянно поправлял его, вставал с места и вообще, как говорят, немилосердно толкался, чем и приводил меня в нервное раздражение...

Вероятно, полуночный разговор Нараяна с юным Братом Роши повлиял на него и успокоил его. Бедный отверженный кандидат казался если не совсем утешенным, то, по крайней мере, покорившимся своей участи. Пока *trio*¹ мистиков торжественно рассуждали о чудотворной силе золы из священного коровьего навоза, мы с бабú искали средств позавтракать из корзинки с провизией, не выкалывая себе глаз и не причиняя другим ущерба. Нас подбрасывало и швыряло с одного конца шарабана на другой самым недостойным образом, и я чуть было не возроптала на Такура за такой экипаж.

Ради исторической верности, впрочем, спешу оговориться: употребляя слово *trio*, я выражаюсь неверно. Рассуждали о чудодейной силе золы, которую пачкаются сектанты Шивы, только «генерал» с полковником, а поправлял их многочисленные ошибки и неправильные воззрения Ананда-Суами. Нараян слушал и поучался.

Дорога скоро пошла песчаная. Попадая, наконец, яствами вместо носа и глаз в рот, куда им и следовало сразу попасть, если бы не ухабы, мы, наконец, с бабú насытились и успокоились. Полковник, перестав изображать собою каучукового человека на веревочке, тоже прояснился, и разговор скоро сделался общим и весьма назидательным.

Что у кого болит, тот о том и говорит.

– Это уж не наша с вами вина, полковник, что мы оба были женаты, – рассуждал огорченный Мульджи. – Вы еще, может быть, женились по собственному желанию, а меня закабалили, когда мне было всего шесть лет... Что ж мне было делать? Не убивать же своей жены для того, чтобы поступить в *радж-иоги*; да оно и не помогло бы, а только послужило б еще бóльшим препятствием. Вот и выбирай... В *радж-иоги* не пускают, а от *хатти-иогов* отстраняют. Конечно, это система весьма на практике опасная; но что же нам делать, Суами, когда другого нам нет выбора? Лучше *хатти*, чем ничего. Достигнув известного возраста, нельзя обойтись без религии... Никак нельзя!..

– Можно изучать философии и не вдаваясь в крайности, – спокойно заметил Ананда-Суами.

– Вам это легко говорить. Вас не женили насильно и не спрашиваясь и пред вами все дороги к тайным наукам открыты, – разозлился Мульджи.

¹ *трое* (англ.).

– Меня, впрочем, интересует в этой науке не столько религия, сколько достижение трансцендентальных тайн *иогизма*, и я должен достичь своей цели так или иначе. Я *должен* научиться не только *пранаяме*, но и всему, что способствует развитию психических сил, – кипятился О***.

– Надеюсь, что вы, прежде всего, научитесь носить ваш *салиграм*. Вы чуть не перебили мне локтя им, – завопила я, потирая руку при новом толчке.

– Извините и будьте снисходительны к вашим товарищам. Ведь я же не нарочно... Дотроньтесь до талисмана ушибленным местом, я уверен, что вся боль пройдет!.. Не хотите? Ну, как знаете. Только не забывайте, что этот *салиграм* – подарок нашего благословенного Такура, и что он, наверное, *недаром* его прислал.

– Конечно *недаром*, а как *искус*, да и не вам одному, как я теперь узнаю к своему горю!..

– Для того чтоб *салиграм*, *рудракша* и другие такие *святыни* оказывали действие, в них следует прежде всего верить, – заметил Нараян с упреком в голосе, – а для того чтоб они приносили пользу их владельцам, с ними надо обращаться каждое утро и вечер по предписанным *шастрами* правилам, иначе они скоро утрачивают свои качества, а затем приносят один лишь вред тому, кто их на себе носит...

– Правила, о которых вы выговорите, мой милый Нараян, равняются *пудже*?.. Это ли вы советуете полковнику? – накинулась я с негодованием на него...

– Неужели это так? – произнес О***, немного взволнованный сказанным, но не выясняя чем именно, новым ли сведением от Нараяна или же моим пояснением. – Правда ли это? – переспросил он, обращаясь к Ананде-Суами.

Аскет тихо наклонил голову в знак согласия, но ничего не сказал. Наступило молчание.

С минуты его появления между нами этот юноша сильно возбуждал мое любопытство. Я положительно не могла прийти к какому-либо определенному о нем заключению и только наблюдала за ним издали. Рекомендация Такура была так веска в моих глазах, что я, конечно, не доискивалась, хороший и честный ли он человек, не шарлатан ли, каких много бывает из величающих себя *аскетами* и *иогами* в Индии. С этой стороны Ананда-Суами был вполне застрахован против подозрения. Но я страстно желала узнать, насколько в нем развиты те изумительные психические дары, пред которыми мы все склонялись в лице Такура. Обладает ли он в равной степени с последним способностью читать в мыслях других, как в открытой пред ним книге? Может ли он не только читать, но и *управлять* мыслями других, производить хоть некоторые из тех удивительных явлений, которые, по-видимому, так легко даются Такуру? «Зачем он его прислал? К чему?» – думалось мне. Я знала, что полковник напрасно надеется достичь, хотя в малых размерах, не только высоты *радж-иогизма*, но даже тех странных, необъяснимых психофизиологических способностей производить так называемые «чудеса», которыми справедливо славятся некоторые *хатти-иоги*². Для *раджа-иогов* требуется, как показано, дрессировка и чисто психические неуклонные усилия в этом направлении с самых юных лет; полное изучение, а главное понимание *тайного* смысла учения Патанджали, а не мертвой буквы его системы, и посвящение в мистерии, которых не выдадут посвященные брамины никому и ни за какую цену. А

² Посвятить себя учению *хатти-иоги* по *мертвой* букве системы Патанджали может всякий. Для этого не нужно быть ни философом, ни даже уметь читать или писать, а надо просто обладать железною волей, выносливостью индусов, их равнодушием к физическим страданиям и слепым фанатизмом, да верой в выбранного *бога*. Настоящие *хатти-иоги*, пожалуй, те же медиумы с прибавлением *вменяемости* и *произвола*, которые отсутствуют в западном *медиуме*. Они производят свои феномены *ad libitum* <свободно, *лат.*>, заставляя явления зависеть от собственной воли и *управляя джин[н]ами*, тогда как спириты сами находятся под управлением *джин[н]ов* (духов), олицетворяющих эту еще не открытую силу. И *хатти-иоги* доходят до этого страшными самоистязаниями, которых под конец и не чувствуют как *convulsionnaires de St.-Médard* <конвульсионеры Св. Медарда, *фр.*> да некоторые католические святые. Но метод *радж-иогов* совсем другой. Их девиз: *mens sana in corpore sano* <здоровый дух в здоровом теле, *лат.*>. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

Конвульсионеры – фанатическая секта, возникшая в 1730 г. во Франции вследствие преследования янсенистов. Местом их собраний было кладбище Св. Медарда в одном из предместий Парижа, где находилась гробница Франциска Парижского – янсениста, умершего в 1727 г. в припадке экстаза. На его могиле огромные толпы народа изливали свои чувства в экзальтированных молитвах, речах и пророчествах. С 1731 г. фанатизм дошел до таких пределов, что молящиеся, простираясь на могиле святого, впадали в конвульсии.

дабы сделаться *хатти-иогом*, необходимы годы нечеловеческих, сверхъестественных усилий и физических истязаний. Да и надо родиться с такими физиологическими *идиопатиями*³, иначе ничего из этого и не выйдет, а останется лишь факирская отвратительная внешность да чистое шарлатанство. Против последнего Такур гремит во всеуслышание, а первого он не в состоянии предоставить полковнику. Так для чего же эта напрасная комедия? Зачем допускать нашего честного, доверчивого президента одурачиваться в глазах индусов, как и в собственных глазах? Расспросить разве Ананду? Следить за ним, пока он чем-либо выдаст свою миссию? Только не похоже, чтоб он был способен проговориться!.. Не сводила я с него глаз целый вечер накануне, не сводила их и теперь с пяти часов утра, и все же не пришлось мне уловить на этом юношеском лице ни тени улыбки, ни даже какого-либо определенного выражения. Оно неподвижно, положительно непроницаемо под маской мертвенного, полного спокойствия. Голос его, мягкий и нежный, напоминает монотонное чтение вполголоса; ни малейшей интонации, хотя цветы восточного красноречия подчас так и сыплются; мысли сильно и верно выражены. В глазах тоже отсутствие выражения, даже иногда мысли. Огромные зрачки то сжимаются, то расширяются, блестят и потухают, словно в них происходит периодическое движение часового прибора. У меня даже побежали мурашки по телу, когда его лучистые, спокойные глаза встретились с моим любопытным взглядом. Но и тут глаза эти мне ничего не сказали. Нет сомнения, он владеет собой еще лучше Такура.

Между тем полковник не переставал волноваться.

– Но ведь я же не знаком с обрядностями! – жаловался он. – Как же мне быть? И что же мне делать с *салиграмом*?

– Снять и сохранять его в шкатулке, – посоветовала я.

– Не научите ли вы меня необходимым формулам, когда мы приедем в Маттру, дорогой *гуру*, – продолжал О*** молить юного сфинкса, не обращая никакого внимания на мой совет.

– К сожалению, должен вам в этом отказать. Одни *брамины-вайшнав*⁴ (секта Вишну), посвященные в *арчану*⁵ (обряд) *санкхама*⁶, *падмама*⁷, *тульзи*⁸ и *салиграма*, могут в свою очередь посвящать других. Я же не имею такого права.

– Так, может быть, вы успеете уговорить одного из таких браминов? Постарайтесь, прошу вас.

– Постараюсь, но только успех очень сомнителен, – отвечал Ананда, глядя на всех и ни на кого. – Впрочем, этот *салиграм* обладает сильными свойствами и без лишних *джапам*⁹ (церемоний), и я даже обязан вас предупредить...

– Что такое? Расскажите, умоляю вас...

– Этот камень представляет Гопала-Кришну¹⁰. Тот, кто носит его при себе, должен избегать встречаться с коровами. Иначе коровы, целое стадо их, бросятся бежать с радостным мычанием за обладателем такого *салиграма*. Он привлекает их неудержимой магнетической силой...

Я посмотрела на Ананду-Суами в удивлении. Смеется он, что ли, над нами? Но его лицо было, как и всегда, серьезно и бесстрастно.

Полковника чуть-чуть передернуло.

³ Идиопатия (*греч.* *idios* свой, *pathos* болезнь) – болезнь самостоятельная, не зависящая от других недугов, в отличие от симптоматических или симпатических заболеваний.

⁴ вайшнав.

⁵ *Арчана* – магическая формула. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

⁶ *Санкхам* – раковина. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

Шанкха (*санскр.* *śaṅkha*).

⁷ *Падма* – священный лотос. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

Падма (*санскр.* *padma*).

⁸ *Тульзи* – растение; все эти предметы посвящены Вишну. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

⁹ *джапа* (*санскр.* *japa*).

¹⁰ *Гопала-Кришна* – пастух-Кришна. Есть *салиграм*ы, представляющие *Сампата-Кришну*, «расточителя богатств», *Сантана-Кришну*, «дарующего детей», и т.д. для всяких нужд и специальностей. Если за тем, кто носит на себе *Гопала-Кришну*, не бегут встречаемые им коровы, то камень, говорят, *поддельный*. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

– Это так, – вставил словечко Мульджи. – У моего деда был такой *салиграм*; и коровы такура Видванского, у которого он служил *дэваном* (министром), чуть было раз не забодали его, ласкаясь к нему.

– А ведь Маттра полнехонька коров, полковник, да вдобавок еще *священных*! – пригрозила я, еле удерживаясь от смеха.

– А «священных макашек» там еще больше! – ввернул словцо бабú.

– Ну, это для того, чтобы не снимать с тебя лишних фотографий, бабú, – язвительно заметил благочестивый Мульджи. – Тебе-то уж нечего помогать мам-саиб. Она не обязана уважать наших верований, а ты – индус...

– Мы обязаны как теософы уважать *все* верования, – сентенциозно произнес президент. – Но не в том дело, а в вопросе, как мне употребить с пользой *салиграм*? Впрочем, я посоветуюсь об этом с Такуром, – добавил он, как-то разом успокаиваясь. – Чтò это у вас за бамбук, Ананда-Суами? – внезапно спросил он, занявшись новым предметом и с любопытством разглядывая висевшую на руке аскета палку.

– Это *хануманта-бера*... магический жезл всех мадрасских аскетов, – предупредил бабú ответ.

– Так ли это? – переспросил полковник с сомнительным доверием к познаниям бабú. – Могу ли я просить вас, Ананда-Суами, дать мне на этот счет несколько подробностей?.. Я читал про такой жезл в сочинениях Жакольйо. Правильно ли он его описывает?

– Нет; потому что он собирал свои сведения от тех, которые сами ничего не знали о *дэнде* (название жезла) и греховно обманывали его.

– Ну, а нам вы можете дать историю этого вашего бамбука и сказать, почему он считается *магическим* и называется «Ханумановским»?

– Вам могу. Вы теософы и имеете право на наше доверие. Я к вашим услугам. Спрашивайте.

– Так почему, например, отвергая богов как сказки, вы между тем носите посвященные Шиве и Хануману предметы? Чтò это за тайна?

– В этом нет ни малейшей тайны. Все дело в том, что в нашей мифологии нет той басни, которая не была бы основана на истине. Я ношу *рудракишу* и *дэндане* не потому, что брамины вздумали окружить эту истину туманом той или другой басни, а потому, что дерево и плод, из которого они сделаны, имеют сами по себе свойства, полезные для некоторой предвзятой мною цели.

– Однако, это довольно рискованное для вас дело. Те, кому вы не объясните сущность дела и причину такого действия, не увидят между вами и *хатти-иогами* никакой разницы.

– Отрешившись от света, мы не видим причины озабочиваться тем или другим его мнением о нас. Люди могут думать о нас, чтò им угодно.

– Вы сейчас говорили о полезных для вашей цели свойствах дерева и плода *дэнды* и *рудракиши*. Не можете ли вы нам сообщить кой-чего об этих свойствах?..

– Я могу вам сообщить лишь мертвую букву легенды и основанной на ней обрядности. Настоящий смысл открывается нам только после третьего посвящения.

Два глубоких вздоха раздались одновременно в шарабане. Но лицо Ананды осталось бесстрастным, хотя он и взглянул мельком на Нараяна.

– *Хануманта-бера* (дерево Ханумана) растет лишь на Удаягирских холмах¹¹ в милях во ста от Неллора¹² в Мадрасском президентстве, – начал Ананда своим тихим, однообразным голосом. – *Хануманта-бера* – любимое дерево обезьян породы Ханумана и поэтому оно сделалось священным и названо в его честь. Одни невежды-материалисты способны видеть в Ханумане настоящую обезьяну, а в ней – бога. Хануман называется у нас в мифологии *ваханом* Рамы, то есть седалищем или физическим прототипом того, кто сам представляет олицетворение качеств

¹¹ *Удаягири* – два слова: *удая* – солнечный восход и *гири* – холмы. Они расположены на восток от Коромандельского (настоящее произношение *Куру-маналь*, «черные пески») берега; а *Астагири* (западные горы) на Малабарском берегу. Обе цепи соединяются на юге *Нильгирийскими* или «голубыми» холмами. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

Англ. Udayagiri, Nilgiri.

¹² Неллору, Неллур (*англ.* Nellore).

солнца¹³. Хануман – прародитель дравидов, расы во всем отличной от браминов севера, и назван *ваханом* Рама потому, что наши предки были вполне детьми солнца, *сурьяванзами*, союзниками солнца юга и тропиков, как и союзниками великого «царя-солнца» в смысле метафорическом. Хануман, короче сказать, если взирать на него в смысле символическом, есть коллективно взятое представление южных народов, даже на Западе. Исторически он Бхимасена, сын Кунти, тетки Кришны с отцовской стороны, а мифологически – сын Вайю, бога воздуха, хранитель и перевозчик¹⁴ при реке *Вираджайя*¹⁵, индусского Стикса, которую каждому смертному приходится переезжать в мире теней и которой *никому не переехать без помощи Ханумана*. Смысл этого тот, что прежде чем человек достигнет в других и более совершенных мирах той точки прогресса, когда он не станет более нуждаться в грубо-объективном образе, он должен начать с исходной точки человечества под видом обезьянообразного человека со всеми его животными страстями и инстинктами. Дабы сделаться *дэвом* следует сперва родиться человеком. Надо завоевать каждый шаг, каждую ступень, ведущие к высшему прогрессу, *личными усилиями и заслугами*. Не трудно понять, почему брамины учат, что эта река *Вираджайя*, имеющая, по их учению, такое огромное символическое значение в нашей духовной эволюции, охраняется Хануманом, и затем, почему и сам бог-обезьяна находится в таком почете¹⁶. Купаясь, каждый брамин обязан при восходе солнца, закрывая пальцами обеих рук ноздри, уши, глаза и рот и сосредоточивая все свое внимание на священном четверосложии «Вираджайя», произнести его трижды и громким голосом. Особенно обязателен этот ежедневный обряд для браминов-брамачариев...

– Не от того ли, что в *Рамаяне* Хануман зовется тоже «брамачарием», «девственным аскетом», глубоко изучившим логику и *нававьякарнам*¹⁷, или все девять систем грамматики? – невинно спросил бенгалец.

– Не перебивайте, бабү!.. Это неучтиво, да и нам мешаєте слушать, – сердито воскликнул Мульджи.

– Действительно; «девственный аскет» и «брамачария» – эпитеты, по праву принадлежащие Хануману, – спокойно и как бы не замечая умышленного намека подтвердил мадрасский *брамачария*. – На Ханумана даже указывают как на основателя санскритской грамматики; вследствие чего ни один поэт или автор не преминет написать ему, наряду с Сарасвати, богиней тайной мудрости, хвалебный гимн на первой странице своего сочинения.

– Но когда же мы услышим о «магическом жезле»? – жалобно спросил полковник.

– Теперь я снова к вашим услугам, – слегка поклонился нам французский брамин. – В день *Хануманта джайанти*¹⁸ поклонники обезьяны-воина постятся целый день и совершают *пуджу*. Затем ровно в назначенный посвященными астрологами «счастливым» час они отправляются на Удагирские холмы, где, совершив все предписанные церемонии, срезают палки со священных деревьев *Хануманта-бера* и несут к себе домой.

– Такие же, как ваша палка?

– На вид точно такие. Но так как весьма мало ученых браминов, которые успевают довести до конца *приготовление* палки, потому что требуется более года ежедневных о ней забот, пока палка превратится в «магический жезл», то в итоге они чрезвычайно редки.

– А какие же свойства «жезла», когда он приготовлен по всем правилам?..

¹³ Рама как царь и герой – лицо вполне историческое, что уже доказано многими ориенталистами; он представитель Солнца, *un dieu solaire* <солнечный бог, фр.>. Вахан же – просто «носитель чего-нибудь, реципиент, объективная форма, в которой заключается и чрез которую демонстрируется нечто бестелесное – *сущность* вещества. Так тело есть *вахан* души, которая в философии браминов и на санскритском языке, как и всякая другая бестелесная сущность, проявляемая материей, зовется «наездником» *вахана*. – *Примечание Е.П.Блаватской*.

¹⁴ перевозчик (*устар.*).

¹⁵ Вираджа (*англ. Viraja*).

¹⁶ Хануман – олицетворенный символ «земного человека», который, невзирая на свою животную натуру, развивает в себе духовную природу личными усилиями и, побеждая первую, выходит интеллектуальным победителем всего земного, делаясь, наконец, богоподобною личностью, достойною идти рука об руку с Рамою, воплощением высшего божества. – *Примечание Е.П.Блаватской*.

¹⁷ нававьякарану (*санскр. navavyākaraṇa*).

¹⁸ День рождения Ханумана – в апреле месяце. – *Примечание Е.П.Блаватской*.

Хануманта-джаянти, Ханумат-джаянти (*англ. Hanumanh Jayanti, Hanumath Jayanti*).

– Это зависит от его обладателя, так же как и в вопросах о *рудракише*, о *тульзи* и других подобных этому предметах. Сообщаемые ей свойства разнообразны. Если вы спросите о них брамина-сектанта, то он вам ответит, что посредством своего *дэнда* он может вызывать подвластных ему «духов» и заставляя *пизачей* выходить из завладеваемых ими человеческих тел; что *дэнда* помогает приобретать и развивать в себе ясновидение; предохраняет обладателя от *джин[н]ов* (злых духов), болезней и дурного глаза; вылечивает ото всяких недугов; словом, что ее свойства те же, какими обладал великий «обезьяна-бог», и так далее.

– Но вы нам повторяете лишь то, что, вероятно, ответил бы на наш вопрос *сектант*. А вы ведь не принадлежите к этому классу? Так вот мы желали бы знать, что *вы* нам ответите...

– Я отвечу, что *палка без руки*, сообщающей ей силу совершать тот или другой подвиг, бесполезна; что в руке *радж-йога*, ум и воля коего действуют вполне сознательно, палка делается проводником этой воли, как телеграфическая проволока, проводящая мысли того, кто посылает депешу, но остающаяся в отсутствии такого агента куском простого металла. В руке *хатти-йоги* ее действия часто бывают изумительны, но так как ум двигательной силы действует бессознательно, то и свойства *дэнда* переменчивы и не всегда согласны с разумом и строгою нравственностью.

– Но разве *хатти-иог* действует бессознательно, как наши *медиумы*?

– Нет, не совсем. В принципе, действуют его собственные желания и даже мышление; стало быть, он действует не бессознательно. Но веря в своих несуществующих богов и их помощь, он не сознает своего полного сознания, не признает своего личного контроля. Обособляя действие от причинности, то есть от своей сознательной воли, потому что большая часть таких чудодейных *саньязи* не философы, а просто фанатики, он и сам считает производимые им явления работой Ханумана и вводит других в заблуждение, сея вместо знания и добра одно суеверие, а часто и великое зло.

– Так, стало быть, и мой *салиграм* без моей воли не станет действовать? Но как же мне приобщить его к ней?.. Научите ради истины и во имя человечества. Могу ли я, например, лечить им, производя месмерические *пассы*?..

– Если воля в вас сильна, желание помочь и любовь к человечеству непоколебимы, то, вероятно, вы на него со временем сильно подействуете. Но, повторяю, ваш *салиграм* обладает еще собственными, специально ему присущими качествами. Это тоже своего рода магнит, с которым вы можете делать разные опыты, разнообразя их до бесконечности, но специфические свойства которого всегда останутся при нем.

– *Gare aux vaches, mon colonel!*¹⁹, – засмеялась я.

– Ах, оставьте, прошу вас! Не мешайте! – замахал руками глубоко заинтересованный президент. – Ну, а вот ваши *рудракиша* на шее, *тульзи* и эти *tutti quanti*²⁰ аскетов? Что ж о них-то?.. Такие же, как и *дэнда*, – а?.. Ведь все-то это *святыни* Шивы да Вишну, разных *рудр* да *дэват*, в которых вы не верите, но эмблемы коих вы все-таки носите, как будто на свете и нет других предметов с такими же полезными вам свойствами? – подмигнул полковник аскету, который и бровью не повел.

– Вы ошибаетесь. Я только не верю в сущность и личность таких богов. Я отвергаю тень, а не самое бытие. Я верю в эти мировые силы, облеченные народною фантазией в формы хранителя и разрушителя; и зная кое-что из сокровенных соотношений таких сил с силами природы и ее вещественными произведениями, я не могу не верить в них. Иначе такие личности, как Такур и даже я сам, не отдавались бы вполне и всецело служению им.

– Но зачем же в таком случае, – спросила я, впервые обращаясь к нему прямо, – именно «такие», как Такур, позволяют жертвовать истиной и духом – форме?.. Вот наш Мульджи замазал себе в честь Маттры, без сомнения, весь лоб белой золой. Для чего это пачкание?

– Это не «пачкание», мам-саиб, – отвечал немного обиженный «генерал», – а уважение к вековым обычаям...

¹⁹ Будете популярны у коров, мой полковник (*фр.*).

²⁰ подобные им (*ит.*).

– Но ведь вы не шаива²¹, для чего же вы следуете обычаю этих сектантов?..

– Потому что он общепринятый.

– Но в чем же заключается философия этого общепринятого обычая? На чем она основана?

– На сказке, – вмешался опять бабú. – Шива, видите ли, был тоже *брамачарией*, «девственным аскетом», как и Хануман; *смазанам*²² было его любимым местопребыванием; там, весь выпачканный в золе умерших, с человеческим черепом вместо чаши для воды и весь обвешанный вместо гирлянд из цветов тысячью восьмью змеями, с кодисешой²³ на голове, он имел такую ужасную наружность, что заслужил название *Угры*²⁴. Но зато, когда его коллеги, другие боги, ради усмирения его слишком свирепого нрава женили его на Парвати (Кали и т.д.), то *Угра* сделался *Сантой*, святым²⁵. Так вот в память его аскетических подвигов шаивы и натирают себе тело и всю рожу белой золой. Двойное нравоучение басни: не делайся *брамачарией* и аскетом, пока не уверен в своем темпераменте; а затем *женись*, если желаешь превратиться в святого мученика...

– Ну, будет тебе болтать... Ты ведь во всем найдешь что осмеять...

– Нисколько, мой дорогой Мульджи. Я помогаю мам-саиб собирать сведения; доказываю ей всю логичность и пользу втирания золы в тело...

– Такое втирание основано на гигиене, – пояснил Ананда. – Шаивы-аскеты избегают многих эпидемических болезней таким способом. Это ведь зола не тел сожженных, а одного лекарственного корня, перемешанного с коровьим навозом.

– Но почему же *радж-иоги* не натирают себе тел... этим приятным... средством?

– У них есть другие и еще лучшие.

«Оттого они и не стареют, должно быть; по крайней мере, наружно», – подумала я, глядя на Ананду.

О*** продолжал коситься на *дэнда* и ожерелье своего *гуру* и снова повел атаку.

– Все это так, и вы нам превосходно объясняете, почему вы *не* делаете того либо другого. Но до сих пор я не могу добиться, почему *радж-иоги*, как посвященные, так и кандидаты на посвящение, все-таки делают кое-что из практикуемого *хатти-иогами*? Какая разница, например, в употреблении *дэнда* и *рудракиши радж-иогом* и *хатти-иогом*?..

– Это может быть объяснено лишь тому, кто обладает правильным воззрением на разницу между этими двумя родами *иогизма* и на природные свойства названных предметов. *Хатти-иога* – позднейший и в сравнении с *радж-иогой* современный компромисс мистицизма; это результат веков неряшливого обращения с философией, победа внешней формы и обрядности над духом учения; а затем и постепенное вырождение *брама-видьи*, божественной премудрости. Утратив вследствие личного честолюбия и земных страстей способность к объединению с Брамой, то есть с абсолютно природой, бóльшая часть браминов, отчужденная от окончательного верховного посвящения, трудностей коего она не могла преодолеть, заменила *радж-иогу хатти-иогой*. Верующие в действительность последней убеждены, что сам *Шива-Махатмиам* сидит в каждом зерне *рудракиши*, почему и относят всякое явление, происходящее с помощью, например, *рудракиши*, как ясновидение или исцеление болезни, – не к своей силе и воле, а к непосредственному действию и участию Шивы. *Радж-иог*, напротив, отвергает как такое вмешательство, так и личность Шивы в принципе. Для него нет антропоморфных богов, есть только абсолютная, обоюдоострая сила созидания и разрушения, первомаатерия, всемирная и единая, неотъемлемая частичка коей – он сам, хотя в обманчивом сознании земных ощущений он и является преходящим индивидуумом. Проверив ее свойства годами методических опытов и

²¹ *Шаива* – поклонник Шивы, *ваишнава* – Вишну. *Рудра* – титул обоих богов, «господин». – *Примечание Е.П.Блаватской.*

Шайва, вайшнав.

²² *Смазанам* – место сожжения трупов браминов. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

Шмашана (*санскр.* śmaśāna).

²³ Кобра-капелла. Многие из факиров секты *шаив[ов]* – носят эту змею живую на голове вместо тюрбана. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

²⁴ *Угра* – свирепый. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

²⁵ *Санта* – святой. Игра слов: «из угры сделался *сантой*», значит – из *свирепого* превратился в *святого*. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

сознавая эту силу в себе, он одаряет ею данный предмет, то есть концентрирует ее в нем, будь тот предмет *рудракша*, *салиграм* или *дэнда*; а затем при случае дает то либо другое направление этой силе, двойственное качество коей есть притяжение и отталкивание, делая это по собственной воле и усмотрению. Шива тут ни при чем. Таким же способом он превращает и жезл «дэнду» в *вахан*, наполняя его своей силой и духом и передавая ему на время собственные свойства. На Западе у вас магнетизер, пропитывая своим жизненным током бумагу или какой-либо другой предмет для употребления больным, делает то же самое, только в несравненно меньших размерах.

– Позвольте, однако... Вы говорите о силе, духе, свойствах и могуществе, как будто это все сводится к жизненной силе, к «магнетическому» току. Я понимаю, что магнетизер может пропитать избытком своей жизненности неодушевленный предмет в видах исцеления, я и сам это делал; но как же мне понимать ваше заявление о такой же передаче этому предмету воли, мышления, сознательных действий и т.д., то есть невещественных, чисто психических качеств и свойств?.. Разве это возможно?..

– Для того, кто о *радж-йогах* и настоящей *брамавидье* ровно ничего не знает или знает очень мало, для того, кто не знаком с психологией Востока, вещество есть плод его собственных воззрений, выводов западной науки и ее гипотез, то есть плод *понятий безусловно относительных*. Для него всякое вещество, от тока жизненной силы до минерала, есть материя. Ему неизвестны переходные степени от вещества условного и ограниченного до вещества первобытного и безусловного, то есть до первоматерии – *Муллапракрити*: поэтому и объяснить ему суть действий *радж-йога* и передачи им неодушевленному предмету эссенции его творческой силы чрезвычайно затруднительно, если не невозможно. Для западного ученого, у которого понятия о веществе основаны на соотношениях его организма со внешним миром и ограничены одною этою рамкой, *все*, что не есть материя, есть либо «ничто», либо чисто бестелесное качество. Он или не верит в дух, или же если и верит, то неспособен получить ясного представления о «духе-Сат» и «духе-силе». По его мнению, дух нечто невещественное, поэтому неотделяемое и непередаваемое. А свойств и всех условий *силы* он не знает. Феургия древних западников, однако же, приводит нам в своих летописях бесчисленные примеры неодушевленных предметов, одаренных временным движением и как бы сознанием и даже произволом. То же свидетельствуют и религиозные верования современных западников. Но что известно в итоге ученому западнику о мировой субстанции, о ее сущности и видоизменениях? Все, что вы знаете о веществе и его свойствах, о чувствах физических и духовных, – все ведь это лишь относительное знание, обусловленное свойствами вашего же земного организма, ваших же личных опытов и выводов науки, и основано на внешних чувствах, а не на действительных качествах вещества. Поэтому, если я вам скажу, что недалеко то время, когда, начав консервами и экстрактом из говядины, молока и других животных продуктов, ваши химики дойдут, наконец, до экстрактов жизненного принципа, что уже отчасти и производится с давних времен гомеопатами и такими бессознательными алхимиками, как некий профессор Йегер²⁶, то вы станете смеяться... Несмотря на такое неверие, я позволю себе предложить вам это сведение в виде пророчества.

– Но какое же тут сравнение?.. Разве можно закупорить дух в бутылку! Ведь это мы только читаем в сказке *О рыбаке и джин[н]е*, о духе, засаженном в сосуд под печатью царя Соломона²⁷... в *Тысяче и одной ночи*...

– Так зачем же вы выбрали именно эту печать для девиза вашего общества²⁸?

²⁶ Густав Ягер (Jäger, 1832–1917) – немецкий естествоиспытатель и гигиенист (см. статью Е.П.Блаватской «Пугала науки», 1883).

²⁷ Печать царя Соломона – в еврейских и исламских средневековых легендах, а также в христианской средневековой Европе печатью Соломона называется символ из двух наложенных друг на друга равносторонних треугольников (Звезда Давида), помещенный на легендарном перстне-печатке царя Соломона, который давал ему власть над джиннами и возможность разговаривать с животными.

²⁸ «В *Эмблеме* Теософского общества <...> воспроизведена *Гексаграмма* (часто называемая Двойным Треугольником, знаком Вишну, а в иудейской религии известная как печать Соломона или звезда Давида). Двойной Треугольник, символически изображающий макрокосм или проявленную Вселенную, содержит в себе идею Единства мира.

В классической йоге этой шестиугольной звездой обозначается сердечная Анахата-чакра. Шесть вершин фигуры тяготеют к центральной, невидимой седьмой точке изначального первичного Огня.

– Потому что это фигура *Шри-Антары... чакры*, или «колеса Вишну»²⁹, самый древний символ Индии...

– «Печать Соломона», находящаяся у нас, как и у халдейцев, у первобытных народов Европы, как и у туземцев обеих Америк, в Африке, как и в Азии, доказывает лишь одно: сказка *О рыбаке и джин[н]е* основана на факте. *Джин[н]*, то есть злой и вместе добрый, услужливый дух, есть олицетворенный символ той силы в природе, о которой я вам говорил: силы *созидающей и разрушающей, притягивающей и отталкивающей*. Соломон в народных легендах тот же «магик» и адепт. Он – патрон иудейских, как и европейских каббалистов, как Гермес – патрон магов египетских. Эта сила, сосредоточенная на каком-либо предмете, Соломоном ли, Гермесом ли, или *радж-иогом* Индии, то есть посвященным в тайные науки адептом, есть не что иное, как бескачественный дух и качественная материя. Эта-то сила и создала человека, *вахана* Парабрамы и Муллапракрити. В свою очередь, человек, сознающий в себе эту двойную силу, может передать избыток оной другим *ваханам*. Но для того, чтобы породить и развивать в себе такой избыток, он должен, прежде всего, отрешиться от собственной личности, отдаться вполне служению человечества, забыть свое личное *я*, сделаться сперва достойным того, чтобы быть сотрудником природы, а затем уже – *адептом*.

– Но как и в чем именно помогает он человечеству или даже его прогрессу *дэндами* да *рудракшами*? Я понимаю желание сделаться адептом, изучить таинства природы из *личной*, так сказать, эгоистической цели прежде всего, а затем уж помогать своими познаниями другим; но я не вижу никакого отношения между *рудракшами* и адептами с точки зрения благодетелей человечества!..

– Сожалею; но объяснить вам этого при вашей настоящей, духовной слепоте не берусь. Повторяю, чтобы сделаться *радж-иогом*, следует прежде всего отречься *безусловно* от собственной личности, не иметь *эгоистической* цели, потому что такую целью задаются одни *хатти-иоги*, которые вследствие этого и уронили значение тайных наук в глазах непосвященных.

– Но не можете ли вы, – настаивал несколько сконфуженный прямым уроком полковник, – дать мне понять простым примером для чего именно *радж-иоги*, как и презираемые ими *хатти-иоги*, носят, например, жезлы, вот эти *дэнды*?..

– Для того чтоб эссенция двукачественной силы не рассеивалась под напором внешних случайностей повседневной жизни, а находилась бы, так сказать, в резервуаре, была бы всегда готовою к употреблению ввиду возможных событий...

– Каких... например?

– Вообразите себе, что вы идете по улице с *радж-иогом* и ведете разговор о предметах совершенно обыкновенных, но почему-либо интересующих его. В руке он держит никогда не покидающую его *дэнду* – вот как эта, – показал Ананда на свою семиколленную трость. – На вас бросается из-за угла бешеная собака. Опасность близкая, пред которою вопрос о вашем спасении зависит от быстроты действия, измеряемой не минутами, а секундами, мгновениями. Хотя мысль действует с быстротой электричества, однако же для приведения в порядок ума, только что занятого посторонними предметами, для извлечения из познавательного аппарата импульсов воли, необходимых для отражения собаки, может потребоваться полсекунды более того времени, которое понадобилось бы собаке, чтобы вас укусила. Без своего *дэнды радж-иог*, быть может, не успел бы вам помочь. Но *дэнда*, пропитанная эссенцией силы *радж-иога*, действует с быстротой молнии: направленная против животного, она мгновенно парализует его импульс броситься на вас; а повторением движения *радж-иог* мог бы даже убить зверя налету и не дотрогиваясь до него, если б это оказалось *нужным*. Вот что может сделать *дэнда* в *обыкновенных* случаях. Но называть

Треугольники символизируют три грани проявления, известные в различных религиях как Троица или Тримурти. Темный треугольник, указывающий вниз, и светлый треугольник, указывающий вверх – это символы нисхождения духа в материю и вознесения преображенной материи в мир духа» (Вестник Космической эволюции. Сборник статей. Тверь, 2012. С. 389).

²⁹ «...«Двойной Треугольник», соединение и слияние чистого Духа и Материи, Арупа и Рупа, символами которых являются Треугольники. Этот двойной Треугольник есть знак Вишну; это есть Соломонова Печать и Шри-Антара браминов» (*Блаватская Е.П.* Тайная Доктрина: синтез науки, религии и философии. В 2 т., 4 кн. Т. 1, кн. 1. Космогенезис. Мн., 1993. С. 170).

ее поэтому *магическим жезлом* неправильно, так как ни «жизнь», ни *рудракша* не могут быть обособленными от нашей сознательной воли и мышления или действовать независимо от нас. Одарять их таким свойством значит признавать в них присутствие познавательного аппарата, как у человека, и равняется произвольному распространению суеверия и грубого поклонения веществу.

– Вы сейчас сказали, что *дэнда* никогда не покидает руки *радж-йога*? Я никогда не видал, однако, такого жезла в руках у Такура?

– Действующая сила заключается не во внешней форме *вахана* и не одна *дэнда* выбирается носителем или сидалищем «силы», – получили мы уклончивый ответ.

В эту минуту шарабан, стуча, гремя, подпрыгивая низом и отдуваясь полотняным верхом, скрипя колесами и вообще издавая самые невероятные звуки, загрохотал на мостовой Маттры, обетованной земли благочестивых *ваишнав[ов]* (поклонников Вишны).

«Шри-Маттра!» – воскликнул Мульджи, бросаясь ничком на пол шарабана. «Шри-Маттра!» – повторил за ним Нараян, вдумчиво вглядываясь вдаль, как бы поджидая кого. Один Ананда даже не повернул головы, въезжая. Пока мы все толпились, толкая и падая друг на друга, чтобы взглянуть из-за полотна на ряд розовых, униженных обезьянами храмов, он и глазом не мигнул, даже когда я почти отдала его голую ножку. На мои извинения он только посмотрел *в меня* (не на меня) своими глазами кроткой лани, как бы желая вычитать во мне, в чем именно я извинялась...

Мне стало жутко от этого взгляда. Я забыла Маттру и предалась воспоминаниям о потерявшем душу «человеке-автомате» в сказке какого-то американского Гофмана³⁰.

³⁰ Эрнст Теодор Амадей Гофман (1776–1822) – немецкий писатель, композитор, художник.